

Россия - 2004 - 19 февр. - с. 10

Михаил Леонтьев:

«Путин — это реванш за национальное унижение»



Беседовал Армен Гаспарян

Михаил Леонтьев — человек с определенной журналистской харизмой, неординарный. Как, впрочем, и его биография. В 1979 году окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Работал в советских НИИ. Затем, как он сам признается, по причине отсутствия спроса на экономическую мысль пошел в Краснодское ПТУ, окончил его. Потом устроился рабочим Гослитмузея, сторожил дом Пастернака в Переделкине. С началом перестройки занялся социологией и публицистикой. Сегодня Леонтьев — один из самых ярких комментаторов на Первом канале.

— Если не ошибаюсь, лет десять назад вы были одним из активных участников политического движения «Общее дело». Потом ушли из него, да и движение перестало существовать. Сегодня вы ощущаете себя человеком, который формирует политику?

— Я из политики никогда не уходил, как, впрочем, и не приходил в нее. То, чем занимаюсь, называется пошлым словом «политическая публицистика». Я, собственно, никогда не занимался и журналистикой как таковой. С другой стороны, нельзя заниматься политическим комментарием, не имея позиции и взглядов. Это и есть политика. А то, что называется журналистикой, — форма.

Что касается «Общего дела», то была идея построить нормальную праволиберальную конструкцию. Уже тогда было очевидно, что у нас не было, нет и не предвидится реальных правовых структур. Институтов, которые базируются не только на переписывании макроэкономических учебников и перенесении опыта освоения слаборазвитых африканских государств международными финансовыми организациями на Россию, но и действительно на реальных правовых ценностях.

— Запутаться можно: где право, где либеральное, где демократическое, где национальное... Где истинное, а где псевдо...

— Хакамада, выдвинувшая себя в качестве единого кандидата так называемых демократов, недавно заявила, что им — «либералам» — надо прекратить называть себя правыми, потому что правые — это консерваторы, у которых главными ценностями являются государство, нация, семья и религия. Правыми в таком случае является «Единая Россия». А они должны признать себя современными социал-демократами. Это вполне адекватное заявление, может, единственно адекватное из всего, что она говорит после самовыдвижения.

— Когда Владимир Путин уже объявил о своем участии в выборах, в прессе продолжали муссировать вопрос: кто будет кандидатом от демократических сил? А что, президент уже не представляет интересы демократов?

— Президент не кандидат от «демократов». В том смысле, в котором воспринимают демократов. У президента есть ценности более фундаментальные. Хотя он, безусловно, тяготеет к демократии.

Россия — глубоко демократическая страна, потому что единственно возможной санкцией на власть являются выборы. Демократия — это выбранная народом власть. С этой точки зрения президент, безусловно, демократ. Другое дело, что у нас слово «демократ» в отличие от слов «правый» и «левый», которые непонятно кого обозначают, вполне конкретное. Наши демократы — это псевдолибералы-западники. Люди, которые предпочитают страну — носителя идеальной для них модели собственной стране.

— Говоря о президенте Путине, я имел в виду человека демократических, либеральных, прогрессивных взглядов...

— Понятие прогресса — вопрос отсылочный. Смотря что считать прогрессом. Например, Борис Немцов называл Михаила Ходорковского великим человеком, который думал, что деньги решают все, но, мол, в полицейском государстве это невозможно.

Если дилемма стоит так: государство, где деньги решают все, или полицейское государство, то для меня, безусловно, прогрессом является полицейское государство.

Я считаю, что в обществе, в том числе и крайне либеральном, существуют институты и ценности, которые не продаются. Таковыми являются право, государство, власть... культура.

Ведь в чем проблема концепции Немцова — Ходорковского — Березовского? Они считают, что власть можно купить. Одни делают это прямым, циничным путем. Другие — через влияние, контроль над прессой, источниками финансирования, источниками принятия решений, над менталитетом. США, к примеру, страна, построенная на этом.

— Как быть с нашими олигархами?

— Олигархия в самом значении слова — сращивание власти и денег — самодостаточная власть. Поэтому это олигархи решают, как быть с кем бы то ни было.

В тот момент, когда ставится вопрос, как быть с олигархами, они уже не олигархи. Это могут быть бывшие олигархи... Или будущие. В этом и состоит, как говорил Ленин, специфика текущего момента: они почему-то вдруг оказались не олигархами. Они власть упустили.

— Арест Ходорковского в этом смысле показатель?

— С точки зрения достижения задач укрощения олигархии оказалось, что это эффективно. Просто я бы очень хотел, чтобы применение правосудия было избирательным. Хотя бы на это время. Потому что неизбирательное применение правосудия называется «маховик массовых репрессий». Не надо его раскручивать. Он потом не скручивается...

Произошла ситуация неожиданной реанимации государства. Государство как самостоятельная и самоценная субстанция вдруг проснулось. И оказалось, что его ни отменить окриком, ни пропалить нельзя. Не пропалчивается.

Все эти разговоры про перераспределение собственности кажутся странными. Пожалуй, пробуйте, но государство уже не берет. Везде, где можно, понемножку очень многие берут, но в целом не берет. Это уже субстанция, отдельная от существования каких-то чиновников.

И вот это заявление Путина о том, что торга не будет, — ключевое.

— То есть, как в том анекдоте, появился лесник и разогнал всех к такой-то матери?

— Дело не в леснике. Понятно, откуда взялся этот лесник. В этом смысле, может быть, предыдущая профессия позволила Владимиру Владимировичу не дать задуматься эту штуку в зародыше.

Если бы подобные действия происходили четыре года назад, они стоили бы президенту власти, а может, и больше.

Четыре года назад государством был утрачен контроль не только над экономическим блоком, за финансовыми по-

шает задачи обеспечения текущей безопасности граждан. Но он хоть управляет. Чем отличается система имени наших реформаторов от системы, которая создается сейчас? Тем, что приказ является руководством к действию, а не к размышлению. При этом допускаю, что люди, которые выполняют приказ, могут плохо с этим справиться. Но они пытаются его выполнить, а не торгуются.

Дистанция от восстановления элементарной управляемости до совершенной управляемости и до высокой правовой культуры репрессивного аппарата — огромная. Но мы должны понять, с чего начинаем. Мы имели абсолютно

но — иметь Чечню в Москве. Что, собственно, мы и наблюдали.

— Коль коснулись Чечни, на ваш взгляд, там жизнь налаживается?

— Ничего там не налаживается. Может, на меня кто-то обидится, но тем не менее. Я очень хорошо понимаю логику, по которой Москва доверила восстановление порядка Ахмаду Кадырову. В этом есть определенный резон. Я даже понимаю, что в этом есть некая политическая целесообразность. Но у меня сильные сомнения, что это правильно. Создается впечатление, что мы еще напечемся.

— Понятно, что в таком вопросе, как Чечня, не может

Кроме того, в России существует иерархия задач, которые стоят перед властью. Есть такое подозрение, что окончательное решение чеченского вопроса не является сейчас ни реально возможным, ни реально необходимым. В определенный момент, скажем, в 1999 году, это была задача номер один, потому что угрожала жизни.

Однако всплески и метастазы тоже возможны. «Норд-Ост» не был акцией чеченских боевиков, «сепаратистов-патриотов», как их называют, которые пошли на крайние меры в силу тяжести своей позиции. Никакого отношения к чеченским проблемам «Норд-Ост» не имел. Это была международная, очень хорошо спланированная акция по дестабилизации, а если говорить русским языком — по провокации государственного переворота, государственной катастрофы в Москве, в России. Решалась задача власти в Москве. Не важно, знали об этом конкретные исполнители или нет. Но организаторы знали очень четко. Ситуация была безвыходная.

Почему сейчас президент так резко реагирует на попы-

место, где раньше что-то было: крысы, червяки, грифы. Страна попала в катастрофу и жила в ситуации катастрофы.

В этом смысле я считаю, что Борис Николаевич Ельцин был совсем не худшим правителем России. Не говоря о том, что значительная часть российской элиты находилась в гораздо большем заблуждении относительно ситуации в России, чем сам президент. Даже в последнее время, все равно он был адекватней, чем большинство своих более просвещенных, образованных соратников, которые относились к нему с безразличием.

Но самое главное, что страна падала в пропасть, не осознавая этого. Свое состояние она осознавала благодаря двум факторам: Югославии и Чечне. До этого вообще ни о чем нельзя было говорить. Не то что победить — вести первую чеченскую войну было нельзя. Потому что в демократической стране нельзя вести войну, которую общество желает проиграть.

Владимир Владимирович Путин возник как реакция на эту ситуацию, как порождение еще не четко сформулированных, но очень понятных по направлению надежд. Это направление кратко можно назвать, в хорошем смысле слова, реваншем, жадной реванша. Реванша за национальное унижение.

Сама по себе национальная жажда реванша — не есть великое счастье. Но появился президент, у которого есть воля реализовать эту жажду реванша в позитивном ключе. Через модернизацию России, через цивилизованное, нормальное восстановление ее позиций.

Это вопрос не величия или ничтожества, национального самоуважения или национального самоунижения. Это вопрос выживания страны. Он связан в том числе с физическим существованием огромной массы людей. Потому что, пока Россия существует, ее граждане в большинстве своем составляют единую нацию — «суперэтнос». А когда эта общность распадется, появится большое количество народиков и народностей, которые начнут друг друга резать, потому что проживают они чужеродно. А ведь в 1999 году существовала реальная угроза распада страны — «Беловежская Пуша-2».

Сегодня осуществляется задача восстановления управляемости государства в его самом примитивном, но самом первичном блоке — силовом. В элементарных формах.

Однако не так просто восстановить управляемость этого блока, когда в судебной системе, в прокуратуре, в МВД в значительной степени утрачена способность к применению закона. Нам предстоит длительный эволюционный путь. Эту проблему невозможно решить сразу ни указом, ни, как говорят, пакетом законов. Но пакетом законов, когда законоприменение в принципе разрушено, нельзя сделать ничего. Это уже «гигиенический» пакет законов.

Вторая фаза — это восстановление управляемости экономики. Задача государства заключается не в том, чтобы управлять предприятиями, вмешиваться в ценообразование — самое последнее кретинство, которое может быть, а в том, чтобы определить приоритеты.

В течение долгого времени мы с моими коллегами стояли, что у правительства нет экономической политики. Что — абсолютная правда. Но мне трудно себе представить правительство, которое в настоящий момент сможет осуществлять экономическую политику, — для этого должны быть институты отстроены, они должны быть управляемы. Наше правительство в его нынешней структуре неуправляемо даже премьер-министром. Механизма нет.

Между тем идеальная либеральная модель действует только в одних условиях — победившего, утвердившегося и институционализировавшегося, оперившегося капитализма.

У нас ведь, до последней копейки, рост экономики связан с вывозом сырья. И не дай бог нам бороться с экспортом, но поощрять его в той структуре, в какой он существует, тоже нет смысла. Надо развивать внутренний рынок. Это единственный способ устоять. Ра-

ди этого можно пойти даже на изоляционистские меры. И, безусловно, пересмотреть отношение к ВТО. Я вообще не вижу никаких преимуществ от вступления России в ВТО. Все гипотетические преимущества сегодня просто не работают. С каждым годом, месяцем их становится все меньше. Слава богу, сейчас эта проблема перестала остро существовать, потому что они охмелили настолько, что начали требовать от России вещей, подрывающих устойчивость ее экономики.

Нужна рекапитализация. Совокупный капитал, который должен был достаться России от Советского Союза, обесценился в процессе реформирования экономики. Мы потеряли триллиона полтора. Цифра астрономическая по отношению к тем же сверхдоходам от нефти, об изъятии которых сейчас так много говорят.

— Хотел бы вернуться к вопросу о силовом блоке. Вы не сказали об армии, хотя вы как раз известны как последовательный ее защитник.

— Я защитник армии как института. Как говорил император Александр III, у России есть два союзника — армия и флот. В нормальной стране (не с точки зрения так называемых западных норм, а с той, какой бы мне хотелось видеть свою страну) современная армия должна быть основой общества. Формирование национальной элиты должно проходить через армию. Что можно сформировать через нынешнюю армию, не берусь произнести при женщинах и детях. Потому что пороком нашей армии в первую очередь является ее система комплектования. Мне красивые наши генералы-патриоты говорили: «Что вы наделали, либералы? Вы впервые сделали армию рабоче-крестьянской, чего не было даже в Советском Союзе». Она формируется по строго классовому составу, и даже хуже. В армию попадают только те, у которых не хватает сил, ума и денег убежать от призыва. Она превращается в лепрозный, в котором деградируют офицеры, потому что они становятся санитарями лепрозория. Если бы не война в Чечне, это продолжалось бы дальше. В условиях реальных боевых действий из этих отбросов выковыривались практически элитные части. Офицерство, генералитет, прошедшие Чечню, совершенно другие. Нас спасло то, что Чечню прошла почти вся боевая часть армии. Мы отсрочили агонию.

— Как же спасти положение? Понятно, что войны не могут продолжаться бесконечно...

— Первое. Должна быть военная доктрина, которую выработывает политическое руководство. Перед армией должны быть поставлены конкретные задачи. Но когда у страны нет ясности в понимании политических задач, сделать это трудно. Понимание вот только-только начинает выковываться. Общество не понимает, какие существуют угрозы, какие противники, как выглядит окружающий мир.

Второе. Необходимо изменить систему комплектования. Служба в армии должна быть привилегией для ограниченного круга лиц, которая будет открывать дорогу к государственной службе. Если человек не хочет служить в армии, значит, он не может служить государству. Вопрос патристического воспитания должен в первую очередь касаться элиты. Мы не можем иметь патристическое население и абсолютно космополитическую, комрадскую элиту. Хотя бы потому, что ей существовать останется минут пятнадцать. Ее просто порвут.

Идея профессиональной армии в том виде, в котором нам ее навязывают либералы и иностранные специалисты, для России не годится. При таком социальном разбросе это просто опасно...

— Вам не угрожают?

— Ну какой смысл мне угрожать? Мне никто никогда не угрожал. Это контрпродуктивно. Если кому-то что-то не нравится, в принципе можно просто замолчать. Я не склонен так масштабно оценивать собственную роль в истории, чтобы считать, что мне кто-то должен угрожать. Я вообще считаю, что слухи об опасности журналистской профессии преувеличены по отношению ко многим другим профессиям.



Фото Владимира Бодянова

токама, за принятием политических решений, но в первую очередь за репрессивной системой. Ее просто не было. Бессмысленно было отдавать репрессивному аппарату приказы, направленные против олигархов. Он технически не смог бы их выполнить.

Поэтому, пусть это кому-то и не нравится, государство начинается с полиции. Сегодня управляемость репрессивного аппарата в какой-то степени восстановлена.

Я не говорю, что аппарат стал совершеннее и лучше ре-

разрушенное по всем параметрам государство. Разрушенное настолько, что гарантии его выживания была добрая воля другого государства.

В этом смысле Чечня является неизбежным и показательным злом качеством порождением разрушения государства. Чеченский вопрос решается в первую очередь восстановлением государственных дееспособных институтов в Москве. Без этого рассчитывать на что-то в Чечне не приходится. Можно рассчитывать на од-

нужно, безусловно, никогда не бывает над схваткой. Он всегда стремился и был в схватке. И еще одно интересное замечание. Миша оказался тем журналистом, который доказал, что умный человек, достаточно сложно говорящий, может не только писать в газетах, но и блестяще выступать по телевидению.

Слова

Андрей Быстрицкий, заместитель председателя ВГТРК:

— Михаил Юрьевич Леонтьев — умнейший человек. Я с ним достаточно долго работал. Это человек сильно увлекающийся и, как все живые умные люди, влюбляющийся в те или иные идеи. Что подчас делает его суждения излишне экзальтиро-

ванными и, может быть, даже пугающими. Но в целом Миша редкостной энергии и таланта человек. Я думаю, что Миша не может считаться традиционным журналистом. По своему взгляду на мир, по самоидентификации он скорее деятель, чем журналист. Во всяком случае если он и журналист, то откровенно выраженного публицистического личностного на-

чала. Леонтьев, бесспорно, никогда не бывает над схваткой. Он всегда стремился и был в схватке. И еще одно интересное замечание. Миша оказался тем журналистом, который доказал, что умный человек, достаточно сложно говорящий, может не только писать в газетах, но и блестяще выступать по телевидению.